

32 ПОЛОСЫ

Ростовское региональное отделение Союза российских писателей

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ

Оксюморон

Борис
ВОЛЬФСОН

«НЮАНС»
Таганрог
2011

Борис ВОЛЬФСОН

ОКСЮМОРОН

Стихи

«НЮАНС»
Таганрог
2010

ББК 84(2Рос=Рус)-5

В 72

Борис Вольфсон
ОКСЮМОРОН

Стихи

Таганрог, «НЮАНС». 2011 – 32 с.

ISBN 978-5-98517-099-3

Серия

**Ростовского регионального отделения
Союза российских писателей
32 ПОЛОСЫ**

**выходит при поддержке и участии
издательства «НЮАНС», Таганрог.
Издатель – Кучма Юрий Дмитриевич**

«Оксюморон» — термин античной стилистики, обозначающий слияние контрастных значений, нарочитое сочетание противоречивых понятий. Никакой особой нарочитости автор за собой не замечал, а наличие контрастных противоречий, наблюдаемое в его стихах, признает. Что поделаешь, жизнь противоречива, а стихи — лишь ее слабое отражение...

ISBN 978-5-98517-099-3

© Б.Вольфсон, 2009-2010
© Оформление: И.Огнев. 2010

1. ФИЛОСОФСКИЕ ФАНТАЗИИ

В ночь накануне сдачи кандидатского минимума по философии

Характерная черта:
простыня прилипла к телу,
даже мысль —
и та вспотела.
Этой ночью духота
доконать меня хотела,
не спасла б и темнота.

До полночи я не спал —
что же это, в самом деле? —
все ворочался в постели.
Но потом не спать устал.

И уже сквозь первый сон,
с духотою примиренный,
тихий, умиротворенный,
я услышал слабый звон:

затихая,
нарастая,
как летающий кошмар,
впитаться в тело мне желая,
надо мной
звенел
комар!

А наутро мне вставать,
скоро минимум сдавать...
Только вот нейдет на ум
что-то этот минимум!

Философские фантазии

Философ Локк
однажды слег,
но прежде спал с лица.
И доктор Смок
спасти не смог
от смерти мудреца.

«Ну что ж, мудрец, —
сказал Творец, —
теперь и ты в раю».
Но доктринёр
затеял спор,
сказал:
«Я рая с давних пор
отнюдь не признаю».

А Дьявол рад:
«С почетом в ад
тебя ль мне не принять?
Имей в виду:
сковороду
всяк вынужден признать».

Профессор Локк
поджарил бок
и дует на смолу.
А черт не спит —
котел кипит,
и вилы ждут в углу.

В один момент
эксперимент
ученого смутил.
Еще бы, ад —
не райский сад,
где ни котла, ни вил.

Философ Локк
чурался склок,
хоть был в науке тверд.
Но околел —
и одолел
его не Кант, а черт.

Локк взвыл: «Прости!
И отпусти
больные телеса!
О Боже мой,
хочу домой,
хотя б на полчаса!»

И тут же друг —
профессор Брук —
беднягу разбудил.
Ученый муж
воскликнул: «Чушь!»
и тут же сон забыл.

Какой же в жизни был финал,
потомкам Локк не рассказал!

Египтянин

Я жил на берегу большой реки
и наблюдал, как каждый день устало
катился диск из желтого металла
и погружался в черные пески.

Ночь наступала, и пчелиный рой,
искатель галактического меда,
осваивал пространство небосвода
и забавлялся звездной игрой.

Я музыку светил не различал*,
но, восхищаясь их ночным узором,
задолго до Евклида с Пифагором
предчувствовал гармонию «Начал»**.

Кем был я? Лишь рабочим муравьем,
безропотным, одним из миллиона.
Мы строили гробницу фараона —
его бессмертья нерушимый дом.

За день устав не меньше, чем Амон,
который опускался в Нил, краснея,
мечтал не о бессмертьи, а о сне я,
но краток был мой беспокойный сон.

Мне снились камни — тонны глыб и скал,
и пирамида как венец творенья,
и колесо, чтобы уменьшить тренье...
Но днем я об открытии забывал.

Прошли века. Теперь я — блеск зарниц,
туман над Нилом, серый прах откоса.
Во мне свой след оставили колеса
бесчисленных машин и колесниц.

Но я живу, как вечный Агасфер,
смысл жизни обретя и назначенье
в осуществленном принципе каченья
и в музыке непостижимых сфер.

---

* Музыка светил, музыка сфер — прекрасные звуки, которые, по мысли Пифагора (VI век до н.э.), издают в процессе вращения вокруг Земли звезды и планеты. Эта музыка звучит в ушах людей постоянным фоном, и поэтому они ее не замечают.

** «Начала» — капитальный труд, в котором Евклид (IV век до н.э.) обобщил разрозненные математические знания, накопленные его предшественниками, и заложил фундамент теоретической математики.

На вершине

Скальный оскал —
в облачном облачении.

Друг мой отстал.
Друг мой в плену неверия...

Высь проломив, как двери, я
Веру искал.

Брел наугад
к этой ледовой пагоде,
что воспарила, падая
как камнепад.

Эхом окрест —
в гулких обвалах, в громе я
предощущал гармонию
гибельных бездн.

С детской мечтой
о запредельной ясности
бредил, презрев опасности,
той высотой.

Не был готов
лишь позабыть ни разу я
трудного многообразия
лиц и цветов.

Резок и нов
мир сей, — но рвется линия...
Так не ценил в долине я
полутонов.

Метаморфозы

Вначале я был пустотою,
глухой чернотой, но не тою,
родившеюся из света,
а той, когда вовсе нету
ни света, ни темноты,
ни даже самой пустоты.

А после я был песчинкой
и в дымке бесцветной — льдинкой.
Летел в пустоте, леденя,
откуда, куда — забыл.
А после пылал в огне я,
поскольку звездой был.

Я слизью рождался и зверем.
Я помню осклизлый берег:
обрыва косые метры,
разбег и, крыло креня,
парю, и морские ветры
покачивают меня.

И путником став однажды,
я умер в пути от жажды,
истлел. И все тот же ветер,
шумящий над головой,
развеял в степи мой пепел,
чтоб смог я взойти травой.

Душа ж моя осиротела
и снова просила тело,
мозг, руки и два крыла,
чтоб, вырвавшись из круговерти,
в движеньи свое бессмертье
она осознать смогла.

Пасхальное

(читая Николая Федорова)

Христос воскрес.

А мы воскреснем вряд ли.
Зачем? Чтоб наступать на те же грабли
и те же шишки набивать на лбу?
Чтоб жить, утратив свежесть ощущенья,
и ждать, пока со скукой пресыщенья
весь этот мир не вылетит в трубу?

Жить вечно или просто очень долго,
с признаньем переплаченного долга
вновь возвращаться на круги свои?..
Куда честней сказать себе: ну что же,
мы сами лишь подобье тонкой кожи
на теле жизни — мудрая змеи.

Змея сегодня нас как кожу носит,
потом легко ее на камни сбросит —
без цели наказать или простить,
а лишь затем, что в старой коже тесно
и что опять потребовалось место,
чтоб новую на теле отрастить.

И в этом нет морали, назиданья,
а просто жизни смысл и оправданье
и осознанье, что живем лишь раз.
Но не хочу вымаливать ни дня я,
количество на качество меняю,
живу и сам себе не изменяю,
беспечно тратя времени запас.

Рондо

*Ты думаешь: как страшно
жить пред Господом!
А почему так страшно,
как ты думаешь?
Да потому,
что каждое мгновение
не так-то просто
быть не подлецом.*

Б.Г. Режабек

1.

Бог, конечно, не квартальный,
и тем паче не тюремный,
и вообще не надзиратель,
хоть и видит сверху всех.

Сочинив однажды Время,
приписав размер Пространству,
Он впустил в них, как в пробирку,
неорганику и жизнь.

Дальше все само собою
понеслось и закрутилось —
от галактики спиральной
до спирали ДНК:

эволюция природы,
социальные конфликты,
и мораль, и аморальность,
и венец творенья — Бог.

Неестественным отбором
здесь, пожалуй, и не пахнет:
все по Дарвину, Эйнштейну
и Пригожину Илье.

Богу — Богово, а людям
остаются их сомненья
и способность верить в чудо
и — придумывать богов!

2.

Я человек по жизни мирный,
но не желаю в жизни брэнной
себе судьбы ни слишком смирной,
ни осмотрительно-смирной.

Я остаюсь самим собою
и, чтоб не нахлебаться сраму,
сдавать позиции без боя
не стану подлецу и хаму.

И дело вовсе не в гордыне.
Грехом, скорей, считаю лень я
и будто тонущее в тине
смирение непротивленья.

Меня вы не судите строго
за то, что вечно рвусь из круга
и что надеюсь не на Бога,
а на себя и руку друга.

Неужто лишь безвольным законом
под неслабеющим надзором
я быть способен человеком,
а не убийцею и вором?

Всю жизнь, без страха наказания
и без надежд на поощренье,
решенья принимаю сам я,
по-своему, без разрешенья.

Не алчу денег и оваций.
Владея лишь одним флаконом,
умею разом любоваться
звездой и нравственным законом.

Историкам об истории

История, конечно, не наука,
скорее, черной магии сеанс
и нечто вроде шулерского трюка,
чтоб выложить заказанный пасьянс.

А свод имен и дат — такая скука.
В них смысла, как ни бейся, не найдешь.
История, конечно, не наука
и ничему не учит молодежь.

От прошлого ни запаха, ни звука
к нам не дошло — лишь груды черепков.
Ну хорошо, история — наука,
но целого не видит без очков.

А поглядев вооруженным глазом
сквозь толщу приснопамятных эпох
и напрягая воспаленный разум,
историк там найдет лишь новых блох.

Усердно отрабатывая гранты,
толките дальше пудру для ума.
Откладывая ваши фолианты:
куда приятней почитать Дюма.

Чайник Рассела

Чайник Рассела (Russell's Teapot) — аналогия, предложенная в 1952 году британским философом Бертраном Расселом. В статье «Is There a God?» — «Есть ли Бог?» Рассел заметил, что утверждение о существовании в космическом пространстве фарфорового чайника, который недоступен наблюдению и поэтому должен стать объектом религиозной веры, ничем не хуже базовых постулатов любой религии (сравни с парафразой слов христианского писателя Тертуллиана (II – III века н.э.): «Credo quia absurdum est» («Верую, ибо абсурдно»)).

Синий Чайник реактивный,
невесомый и нетленный,
Я продюсер креативный
вашей маленькой вселенной.

Я Объект и Символ Веры.
Я за гранью пониманья.
Старой логики химеры
оставляю без вниманья.

Пар из носика сучится
и звенит тугой струною.
Ничего здесь не случится
без визировастья Мною:

ни смертей, ни революций,
ни любви, ни взлета акций.
Пусть летающие блюда
свитой ангельской роятся.

Не до чайных церемоний
Мне в космических просторах,
ловли блох и антиномий
в бесконечных ваших спорах.

Я кричу — и глас мой зычен!
Я порхаю вольной пташкой
и в движеньях ограничен
лишь смирительной рубашкой.

Символ веры

*Нельзя не верить в абсолюты.
А как же водка «Абсолют»?*

Кто верит в водку «Абсолют»
и тот, кто сомневается,
напившись, рядышком блюют,
а третий издевается.

Он говорит: «Я бодр и резв,
хотя плюю на веру,
и пусть не абсолютно трезв,
но все же знаю меру.

Я, господа, не столь богат,
чтоб все хлебать с разгона.
К чему мне шведский суррогат?
Подайте самогона!»

Чудо

По Галилейскому морю
при небольшом волнении
плыли в лодке апостолы.
Учитель же в уединении
прогуливался по водам,
не замочив одежды.
Об этом событии спорят
ученые и невежды.

Как Он это проделал,
никто из кратко живущих,
жвачку дней доживавших
или еще жующих
толком не разобрался,
но многим запало в души:
мол, по воде Иисус ходил,
как мы ходим по суше.

Даже свидетели Чуда,
и те, по причине аффекта,
уяснить не сумели,
как смог Он не утопиться.
И только в двадцатом веке
смысл и детали эффекта
прокомментировал физик
Петр Леонидыч Капица.

Он рассчитал, что все дело
здесь в очень быстром движении,
а не, как считали многие,
в поверхностном натяжении.
Чем чудеса народу
метать, как дешевый бисер,
скользил Иисус по водам,
как быстроходный глиссер.

С точки зрения физики,
все это хоть и занятно,
по сути своей несложно
и даже детям понятно.
Но коль повторить этот опыт
тебя подобьет искуситель,
пусть будет рядом спасатель,
а лучше, конечно, Спаситель.

К Фатиме, или Демон Лапласа

Фатима — псевдоним женщины, заменившей им свое подлинное имя, чтобы обмануть и сбить со следа одолевающих ее злых демонов.

Демон Лапласа — вымышленное разумное существо, описанное в 1814 году французским математиком Пьером-Симоном Лапласом. Восприняв в любой момент времени положение и скорость каждой частицы во Вселенной, Демон Лапласа был способен узнавать ее эволюцию как в будущем, так и в прошлом. Ни одно событие не содержало бы для подобного существа элемента новизны, так как могло быть просчитано им во всех подробностях заранее.

После разработки в XX веке новых физических теорий выяснилось, что мир не похож на тикающие часы, он устроен гораздо сложнее, чем представлялось механицисту Лапласу, и даже самый всемогущий Демон не в состоянии ни предсказать, ни предопределить его развитие.

Не сума и не тюрьма,
не белила, не сурьма —
Это жизни оболочка,
тот же фатум, Фатима.

Чьих-то замыслов рабы,
мы нелепы и слабы,
но застыли враскорячку —
держим пологи судьбы.

Ты не крась их и не мни,
не сжимай и не тяни:
могут слипнуться до срока
пластилиновые дни.

Ну а тот, кто знает срок,
в жизни к нам излишне строг:
даже имени не спросит —
сразу бьет с размаху в рог.

Впереди маячит тьма.
Что нам делать, Фатима?
Как прожить свой век в бедламе
и не выжить из ума?

Раз мозги не поменять,
станем бесов изгонять.
Только Демона Лапласа
постаремся понять.

Демон выяснил давно
все, что знать нам не дано.
Мы плывем пред ним, как кадры
надоевшего кино.

И в неведеньи своем
то рыдаем, то поем.
Нам-то жизнь не надоела,
мы ведь в первый раз живем.

Фатум, фантик, вкус конфет,
на экране тусклый свет.
Мы бы роль переиграли,
жаль, что пленки больше нет.

Мост

Смирив страх,
доверившись надежде,
шагнули мы на мост
в сыром тумане,
хотя другого берега
не видно,
и даже непонятно,
есть ли он.

Мост, точно нож,
в клубящуюся массу
тумана
входит, но не разрезает,
а просто исчезает в ней.
И сами
мы словно растворяемся
в тумане,
забыв, куда идем мы
и откуда,
и, главное, зачем.

Задать вопрос
пожалуй что и некому.
Клубится
туман над головой
и под ногами.
Лишь впереди,
в неярком ореоле,
свет фонаря,
а может быть,
звезды,
которую,
других ориентиров
не видя,
мы назначим
путеводной.

Ответ на критику

*Нельзя рифмовать однокоренные слова.
В частности, с рифмой «ничем – зачем»
я категорически не согласна
(как и с рифмой «ботинки – полуботинки»).*

Ольга Андреева

На одной ноге ботинок,
на другой — полуботинок —
вот картинка из картинок,
полюбуйтесь, я пришел.

Сняв полупальто, на смену
я пальто свое надену,
чтоб под длинными полами
был замечен только пол —

не мужской, а деревянный
или кафельный, как в ванной,
а ботинок с полботинком
просто скроются из глаз.

Так хожу я, в чём имею,
и рифмую, как умею.
Жаль, что твой не замечает
весь моя высокий класс.

Невольный сонет

Людмиле Бурцевой

Ну что же мне делать с размером стиха,
рифмованных строчек
всесильным диктатом?
Свободно их сам сочиняю? Куда там!
Я даже не пахарь, скорее — соха.

Не я, это мною ведут борозду.
Но, грубо врезаясь в словесность,
как в почву,
я все же судьбе благодарен за то, что
еще впереди различаю звезду.

Быть может, она и влечет по стерне
и — нет, не диктует — суфлирует мне,
когда я могу отклониться от роли.

И я не ропщу, не встаю на дыбы.
Я сам выбираю свободу неволи
от пахоты этой и этой судьбы.

Творчество

Бросаю камень в воду.
Как процесс
рассматриваю действие бросанья:
замах, отрыв и собственно полет,
сближенье с отраженьем, зависанье
короткое,
а после — всплеск, круги,
которые расходятся и гаснут,
и остается только рябь —
от ветра,
а не от камня.
Камень исчезает
в зеленой глубине
и там, вращаясь,
теряет скорость и в тягучий ил
врезается, вздымая осьминога
лиловой мути с илистого дна.
Но и она уляжется, осядет,
накрыв собою камень.
И следа
от моего броска никто не сыщет
ни в воздухе, ни в замершей воде.
Да я и сам готов уже признаться,
что мне все это просто показалось
и не было ни камня, ни замаха.
Вот только ноет правое плечо.

Китайская грамота

В китайской поэзии — мир без движенья,
застывший классическим строем в веках,
как плазма в ловушке,
как чувств отраженье,
как эхо традиции в новых строках.

Здесь дело не в слове. Поймем мы едва ли,
как птичий язык и мелодию трав,
что чертит в своем полутемном подвале,
к листку наклонившись, седой каллиграф.

В его иероглифах музыка жеста,
изящество стиля и мудрый покой,
но страсти угасли, как память блаженства,
которое пережил кто-то другой.

А в юной, смешной и безграмотной страсти
ни строя, ни стиля, лишь свет поутру.
И гаснет давно позабытое счастье,
как всполох огня на свирепом ветру.

Но мудрый старик при любой непогоде
блюдет корпорации гордый статут.
Он дверь закрывает и снова выводит
стихи, до которых еще дорастут

безумцы отважные, если очнутся,
разлюбят, освоят старинный канон
и в классику стиля, как все, окунутся,
развевая мечты ослепительный сон.

О неготовности к мастер-классу с начинающими поэтами

*Я помню древнюю молитву мастеров:
— Храни нас, Господи, от тех учеников,
Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Их обжигал огнём всё новых откровений!*

Н.С. Гумилёв

Пред знатоками корчусь в прахе я:
так и не выучил, старея,
ни дактиля, ни амфибрахия,
ни — как их? — ямба и хорей.

Нет, я учил, листал пособия.
И наконец — какая жалость! —
нашел изъян в своей особе я:
в ней ничего не задержалось.

В цеху поэтов точным знанием
владеют даже подмастерья.
Там все рассчитано заранее.
Но в этот цех захлопнул дверь я.

Любитель, неуч,
со смирением
жду, будто парус, по полгода,
когда попутным дуновением
меня наполнит непогода.

Устав с судьбой бесцельный спор вести,
я закрываю эти пренья
и отдаюсь на милость скорости —
на грани смерти и прозренья.

Полет до головокружения —
под волн грохочущие залпы.
И вечным кажется движение.
И все кончается внезапно.

Вновь порт приписки и спасения,
покой, оплаченный сторицей, —
вот жизнь...

Но гложет опасение,
что ураган не повторится.

Слово и дело, или Невыполнимое обещание

Лишай — стригущий. Бреющий — полет.
Сосуций — страх. Грызущая — тоска.
Но все же просто скользкий — гололед,
пока не бросил пригоршню песка.

Заря румяна, хмур и бледен день.
Горька разлука, сладок встречи миг...
Увы, наводят тени на плетень
слова, слова, пришедшие из книг.

Язык метафоричен и цветист.
А жизнь проста, не требует прикрас.
Она песок, и лед, и белый лист,
до записей заморозивший нас.

Аранжировкой маскируя суть
(или ее отсутствие, как знать),
о пишущий собрат, не обессудь,
коль я скажу: попробуй не писать!

А я и сам писательством грешу,
сплю скверно и жене мешаю спать.
Что ж, больше ничего не напишу —
пойду песком дорожку посыпать.

О звукоизвлечении и звуковосприятии

Человек — это звучит гордо.
Человек — это звучит горько.
Человек — это звучит громко,
а порой звучит совсем тихо.

Если бить в него — кричит криком,
припугнуть — завяжет рот лыком,
а порой — вполне хорош ликом,
но не трогай — не буди лихо.

Лучше б в тряпочку молчал, право,
чем без умолку звучать всюду.
Я использую свое право:
Помолчу — глядишь, целей буду.

Да и ты моей души клавиш
не цепляй, коль плохо их знаешь,
бить не пробуй, как шаман в бубен.
Я вообще как инструмент труден.

Не кричу на каждый стук «Кто там?»,
не играю по чужим нотам.
И не гордо я звучу — глухо.
Хочешь слушать — подготовь ухо.

Фотограф

Линялое небо
простегано перистой дратвой,
как старый халат
из свалявшейся шерсти верблюжьей,
утративший вид,
по подолу надрезанный бритвой,
с подкладкой рассвета,
торчащей из дыр неуклюже.

Уже через миг
не останется краски лиловой,
предутренних сумерек поезд
взорвется на mine
и небо затопит
расплавленной желтою лавой,
края подпалившей
в моей сумасбродной картине.

Пытаясь понять безуспешно,
чем дышит природа,
снимаю рассветы:
и лаву, и небо в халате, —
ловлю объективом
таинственный жест перехода,
рождение дня
в цифровом сохраняю формате.

Еще предстоит мне
оставить автограф на смете:
в инстанциях неких
не станут читать анонимки.
А душу возьмут
и позволят избавить от смерти
мгновение это,
пускай не в стихах, а на снимке.

И все же в стихах —
с их тягучей, мучительной властью
над временем, роком
и ритмом речного прибоя.
Мгновения мало —
всю вечность мечтаю украсть я
и душу спасти,
разделив мою вечность с тобою.

Строки

Живем и годы не считаем,
и книжки разные читаем,
и прём по жизни напролом.
Но вдруг подходят эти сроки,
но вдруг приходят эти строки —
не по делам, так поделом.

Они пронзительны, прекрасны,
хотя уже почти напрасны,
но лучше поздно, чем нигде, —
сквозь смех прорвавшимся рыданьем,
риторикой и бормотаньем,
лучом, вернувшимся к звезде.

Они возносят, добивают,
и в аут сердце выбивают,
и нянчат бережно в горсти,
чтоб стать желанным пораженьем,
на миг застывшим отраженьем,
«прощай», звучащим как «прости».

Они с отчаяньем подруги,
они бредут в бессонном круге
и всё же держат на плаву.
И если мне опять не спится,
за них пытаюсь уцепиться,
чтоб осознать: еще живу.

Когда бы мне от грез очнуться,
до истины не дотянуться
и что-то главное забыть,
я б встал, как Гамлет, на пороге,
увидел те же две дороги
и выбрал, на которой «быть»!

Но только нас никто не спросит.
Собака лает, ветер носит,
а караван давно в пути.
Он, как дневник, пески листает,
и ветер память замечает
«прощай», звучащим как «прости».

3. ФОНАРИК НАДЕЖДЫ

* * *

Луна взошла над миром
не лампой, а пожаром
в тумане, как в дыму.

Багрово и неровно,
прорвав ночную тьму,
пылала, как жаровня.

Но свет струился вяло,
хотя избит до дыр
был звездный мир, как тир.

Да и луна сначала
под лютую напасть
собачьего вокала
пылала вполнакала,
как сдержанная страсть.

Луна взошла над миром
багровым тусклым шаром —
не лампой, а пожаром...

Но вот
невдалеке,
по черепицам крыши
пройдя вперед
и выше,
повисла на коньке...

И показалась просто
фонариком в руке.

Мой мир,
мой дом,
мой остров,
плывущий в темноте,
зашторив окна-вежды,
по снам,
как по реке —
с фонариком надежды
в протянутой руке!

Иерихонская роза

Как пустыня в тени дождя,
я тоскую в тени любви.
Мой колодец давно иссяк
и ручей пересох в пыли.

За грядою высоких гор
собираются туч стада.
А в пустыне моей любви
только ветер да скрип песка.

Я зарылся в свои дела,
будто семя — в горячий лёсс.
Я цвести не пытаюсь, но,
засыхая, всё жду дождя.

Комментарий

Пустыня в тени дождя — не поэтический образ, а географический термин. Так называют пустыни, окруженные горами, за которые не могут перебраться дождевые облака. Иудейская пустыня, в которой расположено Мертвое море, относится к такому типу пустынь.

А иерихонская роза — это такой удивительный цветок, семена которого сидят в тонком грунте годы и даже десятилетия в ожидании дождя. Потом они мгновенно прорастают, выстреливают цветками, дают плоды и новые семена, которые падают в грунт и снова засыпают на долгие годы.

Осеннее трехстишие

Мимолетная ласка
седой, как и я,
паутинки...

* * *

Сон — в руку
или даже в обе,
а может быть, в меня всего.
Или, скорее, я в него —
подобием несчастной дробы:
сон на бессонницу делю
и незаметно уменьшаюсь.
Ответ узнать я не решаюсь,
но, кажется, стремлюсь к нулю.

Эмигрантское

Я плыву, словно айсберг, на юг
от полярных морозов и вьюг.
Я спасаюсь от вечной зимы,
заковавшей сердца и умы.

Оторвавшись от паковых льдов,
я бегу, не оставив следов,
и мечтаю о жизни иной,
где пылает тропический зной.

Там, на траверзе южных морей,
ты меня разыщи, отогрей,
растопи мою зимнюю грусть.
Я смогу, я оттаю. И пусть

грохоча осуждает родня
и «Титаники» ищут меня.
Я сбежал от полярных ночей,
я не их и не ваш, я — ничей.

Незаметен, почти невесом,
как туман, как несбыточный сон,
я утратил отдельность свою
и себя не вполне узнаю.

С бирюзовым раствором един,
забываю о скрежете льдин,
забываю простые слова.
И тебя я уже забыва...

Вариация на тему «Плача» из поэмы Натана Альтермана «Веселье нищих» (иврит)

В безмолвии ночном не дрогнет даже лист.
Но слух моей души болезненно остер.
Я слышу тихий плач, он коршуном повис
и надо мною тень, как крылья, распростер.

Потерянный, бреду, тревогою томим.
Я как слепец, что сбит с пути поводырем.
Отчаянье звенит, и голосом твоим
оно меня к себе зовет со всех сторон.

В твоём рыданье мрак
и нестерпимый свет.
Я заслонить хочу спаленные глаза.
Безвременье грядет. И нам спасенья нет.
А если и спасет, то лишь твоя слеза.

Ветер

*...ветер осени крадется по садам.
О, совесть его нечиста!
Не ведать ему покоя!*
Амос Оз. Черный ящик

То ли чувство вины,
то ли совесть и впрямь нечиста, —
этот ветер юлит и пыля заметает следы,
и терзает листву, и играет тревогу с листа.
Он еще не беда, но рукою подать до беды.

Безотчетную ярость
швыря перчаткой в лицо,
затихает на миг,
чтобы тут же сорваться на визг,
и сжимает круги, и свивает в тугое кольцо
наших жизней поводья, как кучер,
напившийся вдрызг.

Он не знает пути и легко позабудет
про нас,
как и ты обо мне,
пожимая беспечно плечом.
И ни страха, ни жалости,
разве что слезы из глаз —
так и те лишь от ветра.
Отчаянье тут ни при чем.

Пятое чувство

*Инне Карлиной
и Владимиру Новоженину*

А я стараюсь быть скромней и проще
и, хоть тружусь не покладая рук,
не проверяю жизнь свою на оцупь,
не пробую на запах и на звук.

И так как отливать ее в металле
я не мечтал и вряд ли буду впредь,
не вглядываюсь пристально в детали.
Да, в общем, там и не на что смотреть.

Как ложку кисло-сладкого варенья,
рассасываю жизнь до растворенья —
меня ли в ней или ее во мне.

Оскомина во рту, но слиплись губы.
Мне распознать пора ее игру бы:
так сладостна, но с горечью на дне.

Болеро

Памяти Сусанны Арабкерцевой

Ограничив хаос страсти
каноническим узором,
усмирив безумье сердца
ровным стуком кастаньет,
эти сумрачные мачо
и готические махи,
пыль взбивая каблуками,
так танцуют, как живут.

Плещут черные мантильи,
и, сплетаясь, рвутся тени,
и угроза нарастает
в мерном рокоте гитар.
Но хотя рисунок танца
не меняется от века,
пестротой вариаций
он напоминает джаз.

Это высшая свобода,
это пик самоотдачи,
понимание без слова
и прощенье без вины,
шанс, чтоб выжить, возродиться,
мир принять без колебанья,
осознать его жестокость,
и смириться, и восстать.

Я чужой на этой «свадьбе»:
просто — лучше образован,
и устроен посложнее,
и на большее горазд.
Но, стесняясь чувств открытых,
ни любить, ни ненавидеть
так вовеки не сумею,
как танцоры болеро.

Я завидую Морису,
и Сусанне, и Тиграну*:
музыкальная стихия
им открыта до глубин.
Я стою себе в сторонке
и от жизни, и от танца —
безнадежный созерцатель,
комментатор их страстей.

---

* Морис — М. Равель, французский композитор, автор знаменитого «Болеро».

Сусанна — С.Б. Арабкерцева, пианистка, профессор Ростовской консерватории.

Тигран — Т.Б. Шагинян, математик, знаток и ценитель музыки французских композиторов-импрессионистов.

Галька

Единые в своем многообразьи
и столь разнообразные в единстве,
совместно образующие берег
и дно — в объединяющем несходстве,

обкатанные морем за столетья,
утратившие острые углы
и все же сохранившие отдельность,
свой собственный характер, уникальность,

различие размеров и окраски,
и тяжесть, и особенности формы,
всего сильнее заметные у кромки
прибоя. В этом главный парадокс:

их крапчатость, пятнистость, полосатость,
полупрозрачность, дымчатость и яркость —
все то, что волны сгладить не сумели,
они же помогают проявить.

Подбрасываю гальку на ладони,
пытаюсь разобраться, что же это:
песчинка бытия в безликой массе
или тот самый философский камень,
в котором смысл и тайна мирозданья,
краеугольный камень, перл творенья?

Ответа нет. Секрет не раскрывая,
прибой бормочет глухо и невнятно...

И осознав, что рисковать не вправе,
исполненный похвального смиренья,
кладу я гальку бережно на место,
чтоб равновесье в мире сохранить.

Черноморское

Н. Старцевой

Снова на круги своя,
как на место преступления,
возвращаюсь жалкой тенью,
чтобы крикнуть: «Это я!»

Не узнаю старой боли,
ничего не скажут мне
запах йода, привкус соли,
клочья ваты на волне.

Пусть по щучьему веленью
боль стихает не спеша
и целительною ленью
наполняется душа.

Но в аптечном антураже
наркотического дня
с ощущеньем давней кражи
я пойму: здесь нет меня.

Социально с тучей близок,
как оптический мираж,
я собой пополнил список
незамеченных пропаж.

Пассажир любовной лодки,
расколовшейся о быт,
в черноморском околотке
я сегодня позабыт.

Видно, с дыркой в кармане
был курортный пиджачок.
И меня на общем плане
заменяет новичок.

Так что с прошлым рассчитайся:
дебет с кредитом, актив...
— Эй, фотограф, не старайся,
не таращь свой объектив!

Возвращение

Был вечер. То и дело обгоняя
свою неуправляемую тень,
я шел сквозь строй солдатский фонарей
и снова видел тень перед собою.

И этот теневой театр мешал
мне наконец-то с мыслями собраться,
как будто, в перевертыши играя,
меня дразнила собственная тень.

Как будто, обращаясь вспять, она
напоминала мне о давнем лете.
Но тело инородное мое
не принимал оживший мир теней.

И все, что мне наворожили блики
и листья нашептали, отзывалось
не горечью, а лишь негромким эхом
той горечи, что таяла во мне...

Итак, был вечер. Зябкий ветерок
под куртку забирался понемногу
и фонари качал над головой,
и головами фонари качали.

Но я решение принял. Я к тебе
спешил по шаткой палубе аллеи.
На завтра жизнь откладывая устав,
я полюбить решился наконец,

приняв, как незаслуженный подарок,
твою любовь
и в первый раз поверив
в устойчивость простых и вечных истин,
в возможность счастья.

Милый мой дружок,
ты — свет.
А я к тебе вернулся тенью,
чтоб никуда уже не уходить.

Гармония

Смирению, о время, научи
и к созерцанью обрати сердца.
Пусть непереводим язык свечи,
дрожащий возле самого лица,

но взгляд слетает бабочкой на свет,
как будто этот маленький магнит,
освобождая от дневных сует,
сознание с бесконечностью роднит.

Неверен свет, душа вещей темна,
но, принимая правила игры,
припомнить их дневные имена
я даже не пытаюсь до поры.

Слова, покинув освещенный круг,
утрачивают зримые черты,
как контуры твоих усталых рук,
как вся ты за чертою немоты.

Дай, время, на ветру твоём сберечь
короткое дыхание свечи,
и души, обреченные на речь,
молчаньем в знак согласия обручи.

И возроди из тьмы и немоты
гармонию земного бытия,
когда душа с душою не на «ты»,
а, кажется, почти уже на «я».

Не знаю, чем тишайший этот миг,
мы у судьбы сумели заслужить,
но завтрашний многоголосый мир
его уже не сможет заглушить.

А за окном плывет рыбачка-ночь,
покачивая звездный свой улов,
да ветер, уносясь куда-то прочь,
насвистывает песенку без слов.

* * *

*Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!*
Павел Коган

Я с детства полюбил не угол, а овал,
а позже перенес любовь свою на эллипс.
Я бился об углы, но их не признавал,
смягчить к себе судьбу когда-нибудь надеясь.

Ходячий компромисс, я сглаживать привык
неровности пути избитыми боками.
Не хан, а хам вручал мне княжеский ярлык
и покупал меня со всеми потрохами.

Брюгге

Брюгге — один из красивейших городов Европы, почти в неприкосновенности сохранивший свой средневековый облик, что позволяет местным жителям неплохо зарабатывать на туризме. В XVI веке здесь жил инженер и математик Симон Стевин, который, в частности, изобрел десятичные дроби. Тихий и мирный провинциальный городок современной Бельгии, славящийся кружевами и шоколадом, Брюгге пережил в своей истории бурные моменты. В 1488 году в городе произошло восстание, жертвой которого стал бургомистр Питер Ланшаль (Длинношей), прозванный так потому, что на его гербе был изображен лебедь. В наказание за это преступление император Максимилиан I обязал горожан разводить и содержать стаю лебедей, что они до сих пор и делают. В городском бюджете есть статья расходов на «лебедей Максимилиана».

Эта лепка и этот ажур,
зелень статуй и золото залов...
Витражей отраженный пожар
гаснет в сумраке сонных каналов.

Безопасный, за давностью лет
ты забыл про кровавые бучи.
Лишь готический храм, как стилет,
протыкает свинцовые тучи.

Языками владея едва,
я тебя, как учебник, листаю...
Город Брюгге, плети кружева
и корми лебединую стаю.

Как учил Симон Стевин, столбцом
умножай десятичные дроби
и торгуй понемногу лицом,
в рассужденьи о сытой утробе.

Я тебя не прошу о любви,
как награду приму твое братство
и усвою уроки твои,
если только смогу разобраться.

Я еще осознал не вполне,
что досталась мне в жизни удача:
белый лебедь на серой волне,
город Брюгге — как с вечности сдача.

Содержание

1. ФИЛОСОФСКИЕ ФАНТАЗИИ	3
В ночь накануне сдачи кандидатского минимума по философии	3
Философские фантазии	4
Египтянин	5
На вершине	6
Метаморфозы	6
Пасхальное	7
Рондо	8
Историкам об истории	9
Чайник Рассела	10
Символ веры	10
Чудо	11
К Фатиме, или Демон Лапласа	12
Мост	13
Прощание с вечностью	14
2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС	14
«Никто никому не обязан ничем...».....	14
Ответ на критику	15
Невольный сонет	15
Творчество	16
Китайская грамота	16
О неготовности к мастер-классу с начинающими поэтами	17
Слово и дело или Невыполнимое обещание	18
О звукоизвлечении и звуковосприятии	18
Фотограф.....	19
Строки	20
3. ФОНАРИК НАДЕЖДЫ	21
«Луна взошла над миром...»	21
Иерихонская роза	22
Осеннее трехстишие	22
«Сон — в руку...»	22
Эмигрантское	23
Вариация на тему «Плача» из поэмы Натана Альтермана «Веселье нищих»	23
Ветер	24
Пятое чувство	24
Болеро	25
Галька	26
Черноморское	26
Возвращение	27
Гармония	28
«Я с детства полюбил не угол...».....	28
Ковчег	29
Брюгге	30

32 ПОЛОСЫ
Специальная серия
Ростовское региональное отделение
Союза российских писателей

ВОЛЬФСОН Борис Ильич
ОКСЮМОРОН
Стихи

Корректор Н.Смирнова
Компьютерная вёрстка: Н.Огнева

Новшества в издании малотиражных книг

Электронный макет + печать
сверхмалыми тиражами (от 1-го экз.)

При необходимости

допечатка любого количества книг

При заказе фиксированного тиража 100-500 экз.

оплата частями, а изготовление книг – малыми
партиями в течение длительного срока

Изготовление для одного издания разных переплётов
(мягкий, твёрдый, ламинат, ч/б и цветная печать)

Доставка ростовским авторам за счёт издательства

Принимаем заказы от иногородних авторов

Доставка готового тиража наложенным платежом

Контакты для всех:

Юрий Дмитриевич Кучма y_kuchma@mail.ru,
тел. в Таганроге: (8634)69-00-12

Нина Сергеевна Огнева ognevans@mail.ru
тел. в Ростове: (863)2-500-148

Доп. тираж. Подписано в печать 17.06.2011.

Формат 64x84 1/16. Объём 2,0 усл. печ. л.

Гарнитура SchoolBook

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 250 экз. Зак. 221

Издательство «НЮАНС», г. Таганрог
Отпечатано в типографии Ю.Д.Кучмы
Адрес: г.Таганрог, Солодухина, 87.
тел. в Таганроге: (8634) 69-00-12
e-mail: y_kuchma@mail.ru

Борис Ильич Вольфсон

Поэт, член Союза российских писателей.
Родился 8 февраля 1952 года в Ростове-на-Дону,
где и проживает по сей день.

Член Союза российских писателей.

Автор сборников стихов и миниатюр в прозе
«Лирическое наступление», «О времени и о себе»,
«Детская тетрадь», «Записки виртуального деда»,
«Операция «ОХ-ХО-ХО», «Буквы в цирке»,
«Разговоры накоротке», «Дискретная жизнь»,
а также написанных в соавторстве трех учебников
математики.

Публиковался в коллективных сборниках,
журналах «Ковчег» и «Ковчег Кавказа»,
«Литературной газете» и других изданиях.

Лауреат литературной премии журнала «Ковчег».

Работает школьным учителем математики,
имеет почетное звание «Соросовский учитель».

Литературное кредо сформулировать затрудняется,
но разделяет мнение С.Я.Маршака,
заметившего, что «поэзия должна присутствовать
в произведении любого вида искусств.
К стихам это тоже относится».